

Рано или поздно в жизни каждого человека наступает пора пластиковых окон. Происходит это по стандартной схеме: отрицание – злость – торг – депрессия – принятие.

На стадии отрицания я старательно красила двойные деревянные рамы с форточкой на одном окне и глухую на втором. Да, два окна, выходящие во двор, отличались по размеру и форме, рамы были толстенными и очень крепкими, но в комнате было душно – кроме этой форточки, ничего не открывалось. Домик наш выстроили давно, во времена НЭПа, и строили на совесть.

На этой стадии я просто вешала шторы на уродливые окна, но в комнате от них становилось ещё темнее, а она и так выходит на север.

И все разговоры вокруг о вставленных разными хорошими людьми пластиковых окнах внезапно стали меня касаться, исподволь вползали в моё сознание, проникали в какие-то центры принятия решений.

Было ещё и третье окно, в кухне. Кухня-ванная у нас отдельная, во дворе, и из неё, как в песне, выходят три окна.

Самое маленькое – это окно-форточка сверху над эмалированной ванной. Оно, конечно, не в счёт, его первозданный вид сохраняют века. Второе окно – большое, но глухое, инженерный гений застройщиков разместил зачем-то на стене между ванной и кухней, у нас между ними висит штора, а дверь там навесить невозможно именно по этой причине – там окно вместо стены.

С этим окном долго были проблемы, ведь сквозь него видно, что человек делает в ванной. Поэтому мы его занавешивали изнутри полотенцами, занавешивали шторами – отчего довольно тёмная кухня делалась ещё темнее...

И тут недремающий прогресс подбросил моему сознанию новую информацию – о наклейках на окна, пропускающих свет, но непрозрачных. Я выбрала рулон такой плёнки с рисунком в капли-кружочки, наползающие друг на друга, довольно милые, мой приятель с золотыми руками тщательно приклеил плёнку к стеклу – и это окно проблемой быть перестало.

А вот главное окно в собственно кухне оставалось огромным, нелепым и уродливым, из тех же деревянных толстенных рам. Его я тоже прятала за шторами, которые муж безжалостно сдвигал в одну сторону подальше от газплиты, опасаясь пожара.

И ещё – на всех трёх окнах были издевательски узкие подоконнички, одно название, горшок с геранью не поместится.

В общем, уродство довоенной малоэтажной деревенской архитектуры преследовало меня со всех сторон, окружало и глядело в душу разнокалиберными окнами, рамы которых я устала красить. Тем временем вокруг в городе гламурный двадцать первый век решительно заменял старое громоздкое на новое пластиковое однотипное белоснежное.

Я недоверчиво собирала компромат – вот у мамы эти окна пропускают холод зимой, а потом конденсат течёт на подоконник. А ещё у кого-то эти рамы перекосило и заклинило. И звукопроницаемость у них очень большая – а у меня тут собаки, электрички, теплоходы на Дону и учения военных вертолётов по ночам. Хотя, разумеется, и старые окна против такого оркестра бессильны. Но как аргумент против – годится. Кто хочет – ищет возможность, а кто не хочет – ищет причину.

Есть в нашем доме и другие окна. Но в силу исторических обстоятельств они новее и аккуратнее – ту часть дома пристраивали уже в семидесятые.

И вот очередная весна влила в меня новую порцию энергии и жажды света и красоты, а оттаявший двор глядел на меня издевательскими трещинами в бетонных дорожках и облезлой за зиму краской – и я решилась. Позвонила по объявлению в одну из оконных фирм, спросила, как долго они будут менять три окна.

Это был мой самый первый вопрос. Это меня волновало больше цены и качества – я мысленно прокручивала в голове, как мы будем жить без окон неделю или более того, а вдруг дождь, а как же без кухни – и так далее. Собственно, именно это меня и останавливало все эти годы.

– Три окна? По времени? Ну, часа четыре... – раздумчиво сказал серьёзный человек в трубке.

– Так быстро?? – изумилась я непрактично.

– Но предварительно к вам подойдёт наш специалист, вы с ним выберете размеры и тип окон.

И он пришёл. И ответил на все мои вопросы. Я где-то прослышала тогда про трёхслойные пакеты – в переводе на русский это значит не два, а три стекла. Он терпеливо объяснил, что это для северов, а у меня здесь с их окнами не будет ни холода, ни конденсата. И звукоизоляция у их пакетов выше, чем у моих деревянных.

Стали выбирать тип и размеры. Он ограничил мои аппетиты насчёт размеров подоконника, предложенная им ширина была и практичной, и удобной. Предложил пластик «под дерево» – но от этого китча я отказалась. Белый лучше.

И тут он сказал беспечно – значит, эти два окна сто семьдесят на сто двадцать.

– Одинаковые? – изумилась я. – Но ведь второе не поместится!

– Значит, они немного расширят проём в стене. Да не волнуйтесь вы, в частном секторе это обычное дело, здесь нет ничего опасного, стены ваши не растрескаются и не рухнут, – я, собственно, боялась именно этого, но стеснялась сказать.

И в ближайший выходной три решительных молодых кудесника, подъехавшие на фирменной газели, стремительно выбили и выбросили толстые рамы, вставили новенькие игрушечные летящие конструкции, оштукатурили быстросхватывающимся раствором их по контуру – и уехали, предоставив нам самим убирать последствия работы их стенобитных орудий.

И ещё остались откосы. Оштукатуриванием откосов их фирма не занимается, но я без труда найду по объявлениям людей, которые умеют это делать.

В самых радужных мечтах о красоте и гармонии, которая скоро воцарится в доме и в кухне, я довольно быстро вынесла и выгребла осколки кирпичка, осыпи штукатурки и пыли. Муж отвёз на свалку старые окна, вынуть из них стёкла «на всякий случай» я не согласилась, хватит хлам в гараже коллекционировать.

Отмыв пол, я сняла с мебели старые простыни, которыми защищала комнату и кухню от энтропии. И оглядела поле боя.

Стены... Какие же они толстые!!!

Три слоя истории невинно и незащитно глядели на меня, лишённые гламурного прикида штукатурки, по периметру новых окон.

Очень толстый слой, самый основательный – это саман. Древнейший материал, его человечество освоило ещё в палеолите, ещё до потопа. Современные мазанки в украинских сёлах мало чем отличаются от палеолитических построек, по сути. Из дерьма и веток, ну, с глиной ещё из местного болота – отличное жильё люди строили, и жили в нём десятилетиями, и детей рожали-поднимали. Дворцов каменных на всех не хватало нигде и никогда, знаете ли.

Как и нашей семье не хватило, не досталось квартиры в городе – ни сталинки, ни хрущовки, и слава богу, что удалось купить за бабушкино-дедушкино деревенское наследство вот этот древний усовершенствованный саман. И это было счастьем – после двенадцати переездов за десять лет с одного съёмного жилья на другое. Да, жилищный вопрос уродует людские судьбы беспощадно. И особенно уродовал в Союзе – где не было даже рынка съёмного жилья, не было по определению. Так и жили по четверо в однушках...

Саман – благое, величайшее изобретение цивилизации, дом, очаг, крыша над головой, укрытие от стихии и от диких зверей.

Но наш дом изначально был не просто саманным. А много круче по тем временам. Потому что мы живём на берегу Дона.

Лесов на Дону нет, как известно, мы степняки. Но вдоль Дона много было раньше, да и сейчас осталось немало именно деревянных домов. Почему – это мне объяснила наша соседка, чудесная бабушка Люся.

Был на Дону в начале прошлого века такой недорогой способ строить дома. Подрядчик покупал старую баржу и разбирал её на доски. Доски были хорошими, прочными, пропитанными антисептиком, просоленными и закалёнными в реках и морях. Толщина их восемь-десять сантиметров. Дома из них строили ещё как, двухэтажные даже. А особо тёплый дом – это такие доски, обмазанные саманом. Вот и наш дом был таким долгое время, пока его в 70-е не достроили и не обложили кирпичом.

Тётя Люся помнит наш дом синим, деревянным, из прочных досок, под железной крышей.

А я вот только теперь впервые увидела эти тёмно-голубые доски, открылись они мне! Мой дом был раньше синим кораблём...

Налюбовавшись, мы всё же вернулись к вопросу откосов. Можно, конечно, сделать своими силами – но получится в стиле «хай так», а новым чудесным окнам нужно достойное обрамление.

А в кухне даже плитка обсыпалась с той стены, в которую вставили окно.

На работе мне подруги предложили сразу нескольких мастеров по откосам, и все замечательные, делают быстро и качественно. Валя сразу же стала звонить своему знакомому. Он ей ответил, что сам

он в отъезде ближайшее время, но пришлёт хорошего парня, который всё умеет и недорого берёт. Грузин, Сосо.

И вот я жду Сосо утром в ближайшую субботу. По телефону условились, что он всё осмотрит, подчитает, сколько нужно материала, что-то сразу принесёт с собой.

Пришёл он часа на три позже условленного времени. Невысокий, с лицом херувима, в чёрных кудрях. Глаза удивительного тёмно-зелёного цвета – вот как листья на липе, скажем.

Он начал с долгих пространственных извинений с подробным экскурсом в его личные обстоятельства – хотя я ни в чём его не упрекала и ни о чём не расспрашивала. Рассказал, что его мама живёт в Батайске, и он сейчас был у неё по срочным вопросам, а сам он в Ростове на Северном снимает жильё. И рёпал проблемы друзей, а мама его не очень довольна этой его дружбой.

И что в итоге у него сегодня всего два часа времени на мои откосы, но завтра он придёт пораньше и проработает целый день.

Я наивно полагала, что уж если мне вставили окна за несколько часов, то сделать вокруг них откосы – займёт хотя бы сопоставимое время. Но не тут-то было.

Сосо оказался работником очень тщательным и предупредительным – и всё время подчёркивал, что он работает на совесть, а не как бригады таджиков. Что хоть хвастаться и нехорошо, и он не хвастается – но я жаловаться не буду, и из-под подоконников у меня не будет холодом тянуть.

Он всё время что-то рассказывал эти два часа, так что оставить его и заняться своими делами у меня не было никакой возможности. Зато он взял на себя доставку материалов, и недорого, и аванса не принял – я потом всё ему оплачу, по чекам.

В воскресенье он не пришёл. И не позвонил, и я до него не дозвонилась.

На неделе позвонил, извинился, сказал – «Я вам всё объясню!» – и действительно пришёл в субботу в полдевятого утра. Рассказывал, как он серьёзно поссорился с мамой, и как тяжело это переживал, и как мама всё время вмешивается в его взрослую жизнь, и с девушками, и с друзьями даже его разводит. Я не знала, как реагировать, бормотала, что мама о нём беспокоится, наверное!

– Она меня в детстве знаете как лупила?!

– Неужто было за что? – попыталась я пошутить.

– Ну, я уж и не знаю, что я такого делал страшного – что она меня в ванной за ноги подвешивала! – он обиженно задышал.

Тут и я прямо растерялась от услышанного. Передо мной был не взрослый человек, а ребёнок, ещё не изживший своих детских травм, и довольно серьёзных. И он как-то наивно полагал, что и для людей вокруг эти его проблемы значимы, он не умел отделить свою работу, свою взрослую жизнь от обиды на маму. Для него страшнее всего – если мама опять вдруг будет им недовольна.

Поработал он в этот раз часа три, закончил изнутри одно окно. Обещал не опоздать в следующую субботу.

В следующий раз работа не задалась. Когда мы с ним обсуждали, какую плитку приклеить в кухню взамен выпавшей, у него зазвонил телефон. Он что-то ответил по-грузински. Завязался разговор, я вышла поставить чайник. Когда снова вошла, он всё ещё говорил по телефону, но, увидев меня, включил громкую связь – и извинился, что они говорят на непонятном мне языке!

Переговоры длились больше часа. Он отвечал очень эмоционально – то сердился, то жаловался, то смеялся. Пил чай, я тоже пила чай, вслушивалась в грузинский язык. Наконец он попрощался с ними, положил трубку.

– Вы извините, что мы говорили не по-русски! – не за то он извинялся, что говорил слишком долго, нет! – Я вам сейчас ВСЁ переведу! – и он начал рассказывать, я даже возразить не успела – я видела, что ему сейчас необходимо рассказывать!

И смиренно выслушала.

Снова – мама. А звонил сейчас муж его сестры. Он разругался с тётшей и изливал по этому поводу душу Сосо. Он приезжает сюда время от времени из Грузии, дочь живёт с мамой и детьми в Батайске – а теперь надо срочно переезжать от тётки, раз она так себя ведёт! И его, Сосо, просят срочно помочь в переезде...

Я поняла, что ни сегодня, ни завтра мы работать не будем.

Мы допили чай, и за это время он мне рассказал, что маму он очень любит и понимает. Его отец умер рано, а грузинская женщина после смерти мужа не позволит себе и мысли о другом мужчине. И от этого у мамы сильно испортился характер.

(Но за ноги она его подвешивала ещё при живом отце, однако.)

После смерти отца они переехали в Ростов, вернее, в Батайск. Сняли жильё с огородом. На огороде мама выращивала исключительно кинзу, очень успешно её продавала и на эти деньги строила дом.

У меня в этом месте разговора немного упала челюсть. То есть ты тут учишься десятилетиями, приобретаешь массу бессмысленных навыков – и живёшь от зарплаты до зарплаты. А можно, оказывается, продавать кинзу и строить дом!

В этом доме они сейчас и живут. И он должен туда сейчас ехать, чтобы помочь переехать на квартиру в Ростове сестре – и успокоить бедную маму, которая, конечно же, очень переживает, она ведь так любит своих внуков!

Он так увлёкся разговором, что зять его там уже заждался, похоже. Большие зелёные глаза лучились и сверкали.

*

Я же оставалась пока при своей разрухе, но что делать, когда тут такие страдания.

После этого мы провели вместе ещё два уик-энда. Сосо и правда старался. Даже снаружи окошки обвёл белой краской прямо по кирпичу. На кухне эти полосы вышли широковатыми, на мой вкус, я решила, что закрасу их потом. Он даже подарил мне пачку плиток, их как раз хватило заменить выпавшие, и по цвету подошли.

Между делом вспомнил 2008 год – он тогда давно уже жил в Ростове – и вдруг обнаружил, что после той короткой войны грузины в России стали чужими, их стали даже бояться. Его изумило и обидело очень тогда это отношение. К счастью, лет через пять это всё забылось. Сегодня всё как всегда, по его ощущениям.

Ещё он заметил, что линия потолка у нас не вполне горизонтальна, и постарался так спланировать верхний откос, чтобы визуально этот недостаток скорректировать. В общем, старался, как мог.

И напоследок с гордостью рассказывал мне, что ему удалось помирить зятя и сестру с мамой, и они остались все жить под одной крышей!

А я вспоминала – и как тут было не вспомнить – слова Льва Толстого о том, что человек не повзростает, пока не научится понимать, принимать и прощать недостатки своих родителей...